

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 9 (2272) Суббота, 23 февраля 1946 г. Цена 45 коп.

ПРИКАЗ Народного Комиссара Обороны Союза ССР

23 февраля 1946 г.

№ 8

гор. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Сегодня мы празднуем 28-ю годовщину существования Красной Армии.

28-ю годовщину Красная Армия встречает в расцвете своих сил, овеянная славой побед над немецкими и японскими империалистами. Из длительной и тяжелой войны Красная Армия вышла первоклассной армией, с высокими морально-боевыми качествами, имеющей вполне современное вооружение, опытейших и закаленных командиров.

В войне с фашистскими захватчиками Красная Армия оказалась на высоте своих великих задач, показала себя верной и надежной защитницей интересов Советского государства. Наши бойцы, офицеры и генералы оправдали доверие народа и с честью выполнили свой долг перед Родиной. Советские люди воочию убедились, что они смело могут положиться на Красную Армию. Все народы нашей страны по праву гордятся своей армией, ее победами и чтут священную память героев, павших смертью храбрых в боях за Отечество.

Выдающиеся победы Красной Армии объясняются, прежде всего, тем, что она является подлинно народной армией и защищает интересы своего народа. Советские люди горячо любят свою армию и постоянно заботятся об укреплении ее мощи. Эта забота особенно ярко проявилась в трудные годы Великой Отечественной войны. Весь наш народ, не покладая рук, дни и ночи трудились для фронта, для победы. Без самоотверженного труда рабочих, крестьян, интеллигенции, без их материальной и моральной поддержки Красная Армия не смогла бы одолеть врага.

Победы Красной Армии объясняются далее тем, что о ней заботится и ее воспитывает коммунистическая партия. Выполняя заветы великого Ленина, советский народ под руководством коммунистической партии превратил нашу Родину из отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную. Тем самым были созданы все необходимые материальные возможности для успешной борьбы Красной Армии с врагами.

В годы Великой Отечественной войны коммунистическая партия сплотила нашу страну в единый военный лагерь и направила все усилия народа и армии к одной общей цели — разгрому врага. Коммунистическая партия разъясняла советским воинам смысл и цели войны, воспитывала у них любовь к Родине, укрепляла боевой дух, прививала им бесстрашие и дисциплину. Все это явилось важным условием нашей победы.

Закончив войну победой над врагами, Советский Союз вступил в новый, мирный период своего хозяйственного развития. В настоящее время перед советским народом стоит задача — закрепив завоеванные позиции, двинуться дальше вперед к новому хозяйственному подьему. Мы не можем ограничиваться закреплением этих позиций, ибо это привело бы к застою, — мы должны двинуться дальше вперед, чтобы создать условия для нового мощного подьема народного хозяйства. Мы должны в кратчайший срок залечить раны, нанесенные врагом нашей стране, и восстановить довоенный уровень развития народного хозяйства с тем, чтобы значительно превзойти в ближайшее время этот уровень, повысить материальное благосостояние народа и еще больше укрепить военно-экономическую мощь Советского государства.

В новых условиях Красная Армия должна бдительно охранять мирный созидательный труд советского народа, надежно обеспечи-

вать государственные интересы Советского Союза и сделать недоступными для врагов рубежи нашей Родины.

Во время войны главной задачей бойцов, офицеров и генералов Красной Армии было завоевание победы, умелое применение своих сил и знаний для полного разгрома врага. В мирное время первостепенная задача всех без исключения бойцов, офицеров и генералов состоит в непрерывном совершенствовании своих военных и политических знаний. Все красноармейцы и сержанты должны неустанно изучать военное дело, знать свое оружие и безупречно выполнять свои обязанности по службе. От офицерского состава сейчас, как никогда раньше, требуется умение хорошо обучать и воспитывать подчиненных. В годы войны офицеры и генералы Красной Армии хорошо овладели мастерством вождения войск на поле боя. Теперь все офицеры и генералы должны в совершенстве овладеть мастерством обучения и воспитания войск в мирной обстановке.

Великая Отечественная война внесла в военное дело много нового. Боевой опыт, добытый на полях сражений, представляет богатую сокровищницу для обучения и воспитания войск. Поэтому всю подготовку армии надо проводить на основе умелого освоения опыта минувшей войны. Этот опыт необходимо также всесторонне использовать для теоретического образования офицерских кадров и дальнейшего роста советской военной науки. Следует помнить, что военное дело непрерывно и быстро развивается. Красная Армия обязана не только поспевать за развитием военного дела, но и двигать его вперед.

Красная Армия имеет на своем вооружении первоклассную технику, составляющую основу ее боевой мощи. Задача заключается в том, чтобы отлично знать эту технику, умело владеть ею и беречь ее, как зеницу ока.

Успехи в обучении и воспитании войск немислимы без крепкой дисциплины и строго воинского порядка, поддержание которых является главнейшей обязанностью всего состава армии. Опорой дисциплины и порядка должны быть, в первую очередь, наши командные кадры, в том числе старшины и сержанты — ближайшие и непосредственные начальники и воспитатели красноармейцев.

Бойцы, офицеры и генералы Красной Армии имеют большие заслуги перед народом и Родиной. Однако, это не должно приводить к зазнайству и благодушию. Не кичиться своими заслугами, а добросовестно трудиться на своем посту, отдавая все силы и знания на пользу Красной Армии — вот что требуется от каждого советского воина.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы!

От имени Советского правительства и нашей коммунистической партии приветствую и поздравляю вас с 28-й годовщиной Красной Армии.

В ознаменование дня Красной Армии — ПРИКАЗЫВАЮ:

Сегодня, 23 февраля, произвести салют: в столице нашей Родины — Москве, в столицах Союзных республик и в городах-героях — Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе — двадцатью артиллерийскими залпами.

Да здравствует наша победоносная Красная Армия!

Да здравствует наш победоносный Военно-Морской Флот!

Да здравствует наша славная коммунистическая партия!

Да здравствует великий советский народ!

Да здравствует наша могучая Родина!

Народный Комиссар Обороны СССР Генералиссимус Советского Союза И. СТАЛИН.



Генералиссимус Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН

И. РУМЯНЦЕВ Герой Советского Союза

Рассказ о пережитом

Кто не умел плавать — на Кромке, на Десне научился, но Днепр — не Кромка, не Десна, и многие, конечно, становились несчастными, думая, что опять вырвется вперед и придется переправляться на тот берег вилыв. Так и прознало. Полк подбирал батальоны, дивизии — полки, и мы опять вырвались вперед. Но теперь уже опит форсирования был. Как только подошли к Днепру севернее Киева, около Припяти, остановились род ночью в лесу — как-дй, дожидаясь команды, сам сразу стал готовить себе переправочные средства.

Светила луна, и выйти на Днепр всем полком не представлялось возможным. Немцы, укрепившись на правом берегу, чтобы зимовать тут, из амбразур своих дотов видели все вокруг километра на три. Немецкие орудия были наведены днем и всю ночь били этой наводкой. Наш родной Днепр! А страшным он казался. Его еще не видно, не слышно, он где-то там, за лесом, и неизвестно где, когда придется переправляться на тот берег, а боек уже думает: только бы не утонуть посреди Днепра — широкий-то несло-те течение-то быстро! — за что бы только рукой ухватиться на воде — и один бежит, долбитину кормушки откуда-то тащит, другой торчит круг синь из плащпалатки, соломой его набивает, а там, смотрясь, плот уже выжут прутьями, и каждый хочет помочь, кто ремнями подкручивает, кто лямки с вешего мешка срывает.

В эту ночь Шинков несколько раз вылезал к себе комбатам и их заместителям. Я бежал в штаб и думал: сейчас получим приказ на форсирование. Но встретил адъютант и говорит: — Явка отменяется, оставайтесь на своих местах, ждите выезда.

Идем со своим комбатом Осиповым обратно и думаешь, поглядывая на луну: ну что ты будешь делать с ней! — вот же проклятое светило, нет от него никакого спасения. Остерчала нам луна за войну ужасно. Прямо хоть плачь: только форсировать соберешься, как она уже тут как тут, вылетит из-за туч и устроит тебе иллюминацию на всю ночь.

Я думал, что явка отменяется из-за этой проклятой луны, висящей над Днепром, как осветительная бомба, но вот опять вызывают нас с Осиповым в штаб и на этот раз пропуская к Шинкову. У него в землянке был полковник Гудзь со своим сыном — адъютантом Дьяковым.

— Вот где надо ждать Днепр, — сказал Гудзь и показал на карту. Он не говорил: форсировать, говорил: взять. Любил короткие слова. На карте уже была проведена через Днепр красная стрелка. Я смотрю на эту стрелку, — она мне как-то особенно запомнилась, с сильным нажимом проведена была, — думаю: наконец-то, а Гудзь говорит: — Всем сразу идти нельзя, нужно отобрать отчаянных людей, которые ни чорта не боятся.

— Прикажете отобрать — отберу, своих людей я знаю, — говорю я. — Что же, Ваня, — говорит Шинков, — я тебя ругал за то, что ходишь в разведку, когда не надо, а сейчас надо пойти, дорогой мой. Отберешь тридцать девять человек из своего интернационала, а ты — солоной. Задача такая: переправиться через Днепр, уничтожить орудийный расчет, два пулемета и закрепиться на правом берегу.

Отрывок из восточинаний

Казалось, только бы форсировать Днепр, и тогда уже все, тогда хватать немца за горло. И вот пошли. Все тридцать девять бойцов и сержантов, которые пошли со мной, вылезались на дело сами. Однако один из них, самый молодой, веселый Сережа Орловский, увидел Днепр, испугался. Подходит ко мне, дрожит. Я спрашиваю: — Что с тобой, дурачок? — Не могу, — говорит, — хоть убейте меня — не могу. — Что же это ты, — шепчу ему, — сам вылезался, а теперь боишься. — Я, — говорит, — сперва совсем не боялся. — Чего же ты теперь испугался? — спрашиваю его ласково. — Очень большая река. Я думал, что поменьше. И сменил мне и жалко его. — Вот чего! — говорю. — Конечно большая. Это же — Днепр. Переправимся, и тогда уже легко будет: останутся только маленькие речки. Если боишься — плыви вприпрыжку ко мне. Сорок человек нас, если тридцать девять ни чорта не боится, а один боится, так это же пустяки, никто и не заметит.

Он согласился: — Хорошо, Иван Николаевич, я буду вприпрыжку к вам. — Как прикрывала артиллерия. Немцы отвечали, били по берегу. Мы долго лежали в воде, совсем очоценили — луна мешала, и мы проклинали ее на чем свет стоит. Потом тучка прикрывала луны, и мы ползли, толкая перед собой плот, на котором стояли два пулемета и лежали гранаты. Лодкиные кормушки стало сносить, их пришлось бросить. Она поплыла вниз по реке.

Плащпалатки с соломой хорошо держали нас на воде. Впереди плыл Давлетханов и Нор, по бокам от меня — Ли и мой Санька. Сережа Орловский плыв сзади. Он все о чем-то разговаривал, спрашивал чего-то. На середине Днепра луна опять вышла из-за тучи. Она была какая-то необыкновенная, кроваво-красная. Немцы стали из пулеметов стрелять. Кого ранило, тот еще плыл, а убитые тонули. Сережа Орловский поднимает ко мне, говорит: — Иван Николаевич, смотрите, какое красное, кровавое солнце взошло.

— Дурачок, — говорю, — солнце еще не взошло, еще ночь, это луна опять высунулась. — Идет какая-то борьба, — говорит он, — Луна за немцев, а солнце за нас. — Да, — говорю, — борьба, действительно, идет.

Днепр шумел, мы боролись с течением, выбивались из сил. Плот относил вниз, на камни, надо было таскать его вверх, против напора воды. У меня самого должно быть немного помутнело сознание, тоже стало казаться, что светит и солнце и луна, мелькнула даже мысль: как это так — солнце уже взошло, а луна еще не зашла. Что-то неладное происходит в природе, — подумал я, — вот и вода какая бурная! — а может это от крови?

Ориентиром служил нам бугор, темневший на том берегу. В этот бугор упирались своим острием красная стрелка, проведенная на моей карте начальником штаба пол-

ка. На бугре в кустарнике стояло немецкое орудие, и оттуда же били пулеметы, которые нам приказано было уничтожить. Этот бугор все время был перед глазами, передвигался со стороны в сторону, и я не мог понять, приближается ли к нему или удаляется. Я боялся, что нас отнесет течением слишком далеко, и тогда все будет напрасно.

Сколько мы плыли, не помню. Нам все время прикрывали ураганным огнем, над головой разными голосами пели снаряды и пули. Наконец, измучившись, потеряв на воде шесть человек, мы добрались до берега, у лодкиные левее бугра. Там было много острых камней и в реке, и на самом берегу среди кустов, в которые мы вылезли из воды. Все обмундирование порвалось, мокрые клочья висели, руки были расцарапаны до крови.

Мы карабкались кустарником по склону, на бугор, к орудийному расчету немцев, и мне казалось, что я вижу, как вместе с нами ползет красная стрелка на карте. Вот совсем уже уперлась в бугор, остановилась у дороги. Теперь мы были в темноте, а немцы в свете луны. Мы видели их офицера. Он ходил выше нас по берегу туда и назад и чем-то махал. Сквозь кусты бегали вспышки орудийных выстрелов, но орудия не было видно. Поблизке к нам стреляли пулеметы. Их тоже не было видно. Я видел только офицера — скрестся за кустиком и снова появится. Наши пулеметы были наготове, но мне хотелось взять его живьем. Я сказал Давлетханову: — Брось в воду камень.

Давлетханов размахнулся, и камень громко бухтыкнулся в воду. Офицер повернулся к нам спиной. Я показал на него Ли. — Бей приказом полечке, я заткну ему глотку.

Мы подползли на расстояние двадцати-тридцати шагов и поднялись во весь рост. Ли прыгнул и ударил офицера приказом по голове. Немец не успел упасть, только закачался, повернулся ко мне своей белесой мордой, как я схватил его за глотку.

Мы забросали гранатами орудийный расчет немцев, повернули их пулемет против второго немецкого пулемета, уничтожили расчет и этого пулемета, и тут же стали оканывать, чтобы зацепиться за бугор. Там было еще немного немцев, но они не вылезали из дотов. Потом мы читали в газете, что за эту ночь немецкая авиация совершила 192 самолета на Днепр. Это всех поразило. Сама мы не считали, конечно, не могли. Мы не заметили даже, когда наступил день, когда снова началась ночь. Мы бились без передышки, луна и солнце смешались окончательно. Я был ранен осколком гранаты в руку, увидел кровь, перевязал рану, но боли не ощутил. В сознании было только одно: надо зацепиться за берег, на нас вся дивизия смотрит. Мы бились на бугру и видели, как по Днепру плыли большие и малые лодки, плыли бойцы на плотах, плащпалатках и кормушках. Потом на Днепре появились баржи. Сверху была немецкая авиация, а берега — орудия. Баржи разламывались, и люди бросались вилыв. Нам билось уже всего семь человек, остальные были убиты или ранены, когда рядом появились новые люди. Я увидел комбата Осипова и подумал: здесь уже батальон, значит — зацепились, увидел Шинкова, и первой же мыслью было: через Днепр шагнул уже полк, значит зацепились крепко, появился Гудзь, и я сказал себе: ну, теперь уже не скверненьш нас — дивизия подпират полки.

Литературный запис Е. ГЕРАСИМОВА

Указ Президиума Верховного Совета СССР О награждении писателя Леонова Л. М. орденом Ленина

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы, в связи с 25-летним литературной деятельности, награждать писателя Леонова Леонида Максимовича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль. 18 февраля 1946 года.

Симон ЧИКОВАНИ РАБОТА

Настоящий поэт осторожен и скуп. Дверь к нему изнутри заперта. Он считает не позволительно безделье с губ. Не откроет не во-время рта.

Вот он сам, вот и дом, вот и крыша с трубой. Вот и куты чинар в стороне. И, как к старшему младший, застенчив и нем.

Ал. АБАШЕЛИ РОДИНЕ

Я раскрываю Грузию, как книгу, Как близко на письменном столе. В минуту глужу: какой великий И трудный путь прошли мы по земле!

Так пронесли сквозь бешеную бурю Мы очаг родимого огня. В борьбе с врагом мы крови много лили, За свой очаг мы отдавали кровь.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Журча баюкает Метеха Куры полночная струя. Скопились сонные орехи, Листы дышанье затая.

И эта ночь учится так же, Как те другие, при луне! Просторы пламенеют чудно, Горит живая глубина.

Книги башкирских писателей-фронтовиков

УФА. (От наш. корр.) В Государственном издательстве Башкирии вышли в свет новые книги башкирских писателей-фронтовиков: сборник лирических стихов Салаха Кулибаева «Сказка времени», сборник повестей и очерков А. Бикчентаева, рассказы А. Харисова «Жизнь начинается сию-...

ваз, сборник стихов Мустая Карима «Лесные степи» и др. Подготовлен к печати сборник избранных стихов и поэм Х. Карима, стихи С. Кулибаева о Закарпатской Украине «Боевая песня».

Литературные вечера газеты «Коммунист»

САРАТОВ. (От наш. корр.) В редакции областной газеты «Коммунист» возобновились литературные вечера «среды». На очередной «среде» выступил поэт-фронтовик майор Вадим Земной. В обсуждении его стихов приняли участие проф. Г. Гукковский, поэты Б. Озерный и И. Тобольский.

Затем художественный руководитель драматического театра им. Карла Маркса А. Ефремов рассказал о работе над постановкой «Последней жертвы» Островского. В заключение артисты театра показали несколько сцен из этой пьесы.

«Падение Келдильгу»

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.) Дальневосточный писатель-фронтовик Рустам Агитов написал пьесу-сказку «Падение Келдильгу». Сюжетом послужило народное чукотское предание о борьбе смелого охотника Азлыга с чудовищем Келдильгу, который лишил чукчи солнца и света. Смелый охотник Азлыга побеждает чудови-

не и возвращает чукчам солнце и хорошую жизнь. Пьеса принята к постановке Хабаровским театром юного зрителя. Другая пьеса Р. Агитова «Радн большой семьи» принята к постановке Благовещенским драматическим театром.

Неопубликованные стихи Л. Украинки

(На мотив Гейне)

Часто слышу: «Звезд лучистых Нет прекрасней в целом мире». Нет же помнит не мешает: Есть миры еще прекрасней.

А в ночи в мечтах сонных Улетаем мы от мира, Кто — на дно угрюмой бездны, Кто — к сребристым эфирным, Кто хаос туманный видит, Кто танцует в кружевах — А едва проглянет солнце — И хаос и звезды гаснут, Все светло, бело и ясно, Слово в чистенькой тетрадке Школяра, что всех привлекает. Но найдутся в мире люди Непонятные, чудные, Что при свете солнца видят И хаос и звезд сиянье, Звезд, прекраснее небесных, И хаос темнее ада.

Иль долгие сон мои закроет вежды, Уставше от трепетной надежды, Но в сновиденьях тяжких с той же силой Я слышу голос горестный и милый, Звучит он скорбно, с странною тоскою: «Я здесь, я здесь всегда, всегда с тобою». И всякий раз, когда раздается шопот, В моей душе растет неясный ропот Цветов, тобой не сорванных при жизни, Они дрожат и говорят со мною: «Хоть нет меня, но я всегда с тобою».

М. ИСАКОВСКИЙ СВЕЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Есть произведения, которые до такой степени захватывают читательское воображение, что от них трудно оторваться. Не что подобное испытал я, когда прочитал драму Леси Украинки «Лесная песня». Меня поразила поэтическая сила этого произведения.

Как известно, для своих поэм и драм Лесь брала образы мировой литературы, мифических героев различных эпох и стран. Но украинский фольклор, украинский быт органически вошел в ее творчество. Переосмысливая взятые образы, Лесь Украинка создала оригинальные произведения, наполняя их новыми идейным содержанием.

Сильная, горячая личность, невольница окружающей действительности, восстанавливая прошлое, возмущается и нынче, — вот любящий герой писательницы. Его она воспевае в драматических поэмах: «В катакомбах», «В руинах», «В пеще», в «Адвокате Мартинане» и других. Сюжет «Лесной песни» в этом отношении продолжает известную нам линию, характерную для всего ее творчества.

Очаровательная лесная девушка Мавка — олицетворение волевой природы, света, счастья — полюбил музыканта Лукаша, человека, кровно связанного с землей, костью и ограничением. Огромна любовь Мавки, но и она бессильна поднять Лукаша, отбросив земные помыслы, до вершин настоящей свободы и счастья.

Образ Мавки нарисован Лесей Украинкой с потрясающей художественной силой. Постановку этой пьесы готовит Театр Ленинского комсомола. Артисты играют без театральных костюмов, не было также декораций. Но когда появлялась Мавка, покинутая Лукашом, у многих невольно наворачивались слезы.

Говорят, что «Лесную песню» Лесь Украинка написала за две недели. Когда я работаю над переводом драмы, она захватывает меня до такой степени, что я не могу заниматься ничем другим. Работая я над ней месяца полтора, с утра до поздней ночи. Все в этой пьесе совершенно — и чудесный ритмический стих, и пленительные образы, построенные на основе украинского фольклора, и описание украинской природы, которую я так люблю. Поэтому работа над переводом «Лесной песни» — дорогое и светлое для меня воспоминание.

Гордость украинской литературы

А. БЕЛЕЦКИЙ

Семьдесят пять лет назад, 25 февраля, на Волыни, в семье мелкого помещика Петра Косача родилась дочь Лариса. В детстве ее звали Лесей. С малых лет Лесь познакомились с родными песнями и сказками. Развиваясь под влиянием матери — писательницы, одаренная девочка с 13-ти лет стала писать стихи и печатать их в западно-украинских журналах. Стихи шли за подписью «Леси», а для того, чтобы читатели-галичане знали, что автор их — уроженец «надднпровской Украины», к имени было добавлено прозвище «Украинка». Так возник псевдоним, сохраняющийся и позже и обозначающий ныне одно из явлений, составляющих законную национальную гордость украинцев.

С каждым годом имя Леси Украинки приобретает все большую известность среди читателей Советского Союза. И это понятно: не боюсь преувеличения, мы можем сказать, что не только в ряду украинских, но и в ряду европейских писателей конца XIX и начала XX века Лесь Украинка принадлежит к почетным местам.

Лариса Петровна Косач прожила недолгую жизнь, и жизнь эта дала ей мало простого человеческого счастья. Исключительно даровитая, с редкой способностью к языкам, с любовью к музыке, с острым интересом к общественным вопросам, со страстным желанием не только высказываться, но и действовать, она почти с самого детства вынуждена была бороться с мучительной болезнью. Творчество ее было одним из выражений этой отчаянной борьбы духа с немощным телом. Она впоследствии рассказала сама: «Я только тогда могу бороться, лучше сказать — забывать о борьбе со слабостью, высокой температурой и другими гнетущими факторами, когда мне попросту гальванизируют какую-то недолговечную силу. Тогда образ не дает мне спать по ночам, мучит, как новый недуг, и тогда уже приходит демон, лютее всех недугов, и приказывает мне писать, а затем я вновь лежу, сжигившись, как лютая сумка».

Такую силу духа мы знали у ссыльного солдата Тараса Шевченко, у разбитого параличом Ивана Франко. Такую силу духа мы знаем у Николая Островского. Как поэт, Лесь Украинка выступила в 80-е годы, время тяжелое и для украинской, и для русской литературы. Среди интеллигенции проповедовалась «теория малых дел», «мирная культурная работа», ширилась житейская философия шедрицких «прямудрых писарей» и «святой волюны». В украинской общественной мысли того времени еще не прекращались репрессии царского правительства, обострились националистические тенденции. В это время молодая писательница уже призвала к борьбе, которая пошла бы, по ее словам, «на пользу всему громадному и разнообразному составу Российского государства, мечтала о политическом освободе».

Своя поэтический голос Лесь Украинка обрела не сразу. Начинала она с робких попыток подражать баладам Шевченко, родной песне, ранней лирике Гейне. Но год от году голос этот начинает крепнуть, приобретает энергию, выделяющую его из хора современных поэтов. Уже в 1897 году Иван Франко, внимательно следивший за ростом молодой поэтессы, отметил в ее творчестве переход от тихой печали к бурному очарованию, от жалоб — к гнетущим проклятиям, от сомнений и колебаний — к отваге и упрямой вере в победу. «Или погибнуть, или победить!» — становится ее лозунгом. «От времени шевченковского «Заповіт», — писал Франко, — Украина не слышала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабо-силы, болезненной девушки». Постановка этой пьесы готовит Театр Ленинского комсомола. Артисты играют без театральных костюмов, не было также декораций. Но когда появлялась Мавка, покинутая Лукашом, у многих невольно наворачивались слезы.

Мы знаем гражданскую лирику русских «восемидесятников» Надсона, Якубовича, Мельникова, равнее Леси Украинки, передающая в поэзии не только образную символику, но мотивам, даже по ритмам, — мы тотчас отметим и резкую разницу. Поэтесса не может утешить себя мыслью о том, что когда-то в будущем вновь «вернется на землю Любовь», а пока следует «не падать душой». Она призывает не надеяться, а бороться. Слезы ничто там, где мало и крови. Слово поэта должно стать твердой сталью, мечом, направленным против



Портрет работы художника ИНГЕРА.

палачей, молнией. Не к гармонии, не к примирению, — к ненависти оно должно зваться: «Только тот не знает ненависти, кто никогда не любил», — говорит она, возлюбив или ненавистно перефразируя известные стихи Некрасова. В поэме «Старая сказка» (1893) гордому рыцарю Бертольдо противопоставляет народный певец, ведущий с ним неравную, но упорную борьбу. Восставший народ убивает графа Бертольдо. Но наследники графа строят крепкие тюрьмы, а потомки поэта закаляют оружие острого слова: и длится борьба правдивого слова против позорного дела. Задача поэзии — раскрыть правоту этой борьбы, внушить уверенность в победе, организовать чувства и волю народной массы. Поэзия должна быть подобна тому цветку, который встретил путника на АВ-Петри, в Крыму, среди голых, серых камней: камень, задавший могучие дубы, непокорные терновники, пробит цветком, который ученые люди называют «Сахи фага» — «ломи-камень» и который поэты должны чтить больше, чем пышный давр.

Так в конце 90-х годов, преодолевая эгоистическую рефлексию, поэзия Леси Украинки окончательно становится утверждением героизма, как принципа, как нормы поведения. Постепенно меняется и внешний облик творчества. Идет на убыль символика цветов, звезд, времен года, аксессуар «фантасий» и «эгрес», знакомый нам из русской поэзии того времени. Прямая, напряженная речь становится простой, энергичной. Пятистопный перифразический ямб отступает другие размеры. Лирика переходит в драматический монолог, тяготеет к рассказу. Крутозор становится шире: за ним все яснее вырисовывается перспектива грядущей социальной революции.

Разумеется, несоизмерима роль двух писателей в мировой литературе — Горького и Леси Украинки. Различны их творческие пути. Лесь Украинке не выпало счастья — как ее старшему современнику Коцюбинскому — лично общаться с Горьким, хотя она печатала свои критические статьи в русском журнале «Жизнь», где Горький сотрудничал. Но с Горьким ее роднит до известной степени как ее не-примиримость, ее максимализм, так и характерное соединение «романтизма» с «реализмом». Известно, что Горький считал это соединение чертой всякого большого искусства. Иронизируя над стремлением одного из литературных критиков, Лесь Украинка в одном из писем 1903 г. писала: «Реализм и романтизм соединяются в лице автора на тысяче примеров во всех литературных, и это единение вполне закономерно. Человека Горького роднит с излюбленным Лесей Украинкой образом Прометей, так же, как Горькому, ей ненавистна «мораль рабов», религия терпения и страдания, против которой так резко восстает раб Неофит в драматической поэме Леси Украинки «В катакомбах».

Но Лесь Украинка — и вследствие условий личной жизни, и в силу сложности украинской обстановки — открывала путь, найденный Горьким, с трудом пробираясь по лабиринту противоречий. Учили не столько книги, сколько сама жизнь, но уроки жизни были урезаны прежде всего

болезнью. На помощь пониманию приходило чувство. Есть у Леси Украинки стихотворение «Дым», передающее впечатление от одной из заграничных поездок. Стих Крылова, повторенный Грибоевым: И дым отечества нам сладок и приятен — заставляет писательницу на чужбине вспомнить дымок родного волынского села. Но вот в окно вагона врывается едкий угольный дым: поезд подходит к Гейне, сплошь окутанной каким-то туманом. Но то не туман, а дым множества фабричных труб. «Это наше богатство», — поясняет с гордостью сосед по вагону. Но за фабричными окнами видны она бедные, изможденные лица невольников труда; эти лица напоминают то, что было и дома, на родине:

Тот дым проникнул мне глубоко в сердце, И стиснулось оно, и занемело, И уж не говорило мне: «сужбина».

Для эмигранта народничества поэзия Леси Украинки, ломаясь рамки привычной тематической ограниченности, казалась «экзотической». Разговоры об «экзотическом» характере ее поэзии особенно усилились в XX веке, когда излюбленным жанром Леси Украинки стала драматическая поэма с сюжетами из библейской и античной мифологии, из римской и новой европейской истории. В этих поэмах ставились и решались острые вопросы общественной жизни Украины. Чем дальше, тем более чувствовала себя Лесь Украинка «гласом вопиющего в пустыне». «В печати молчанье, — жалуются она не раз в своих письмах... Ну, что же, разделяю этот фатализм с Шевченко, в его компании и это не стыдно».

И точно так же, как творчество Шевченко стоило смерти великого поэта, творчество Леси Украинки стало после ее кончины предметом ожесточенной борьбы. Националисты либо доказывали его отчужденность от жизни и «народных интересов», развивали тезис об «индивидуализме», как основном пороке поэзии Леси Украинки, либо, напротив, пытались сделать ее своей «единомышленницей». Но фальсифицировать свободное творчество Леси Украинки оказалось столь же невозможно, как невозможно было поставить на службу зоологическому национализму гневную музу Шевченко.

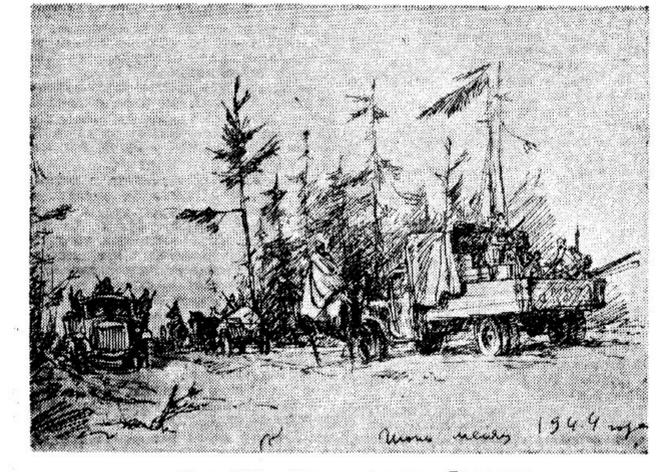
В некрологической заметке о Лесе Украинке «Рабочая Правда» 1913 года писала:

«Лесь Украинка, стоя близко к освободительному общественному движению вообще и протараторскому в частности, отдавала ему все силы, села разумное, доброе, вечное... Добрая, вечная память писательнице — другу рабочих!»

Еще в начале своей деятельности Лесь Украинка написала стихотворение «Пред-светлые огни». Тяжелая, темная ночь окутала землю, все кругом спит, как в могиле, злые признаки гнетут душу, — и вдруг она пробуждается от сна, потому что уже загорелись «предсветные огни», зажженные рабочими руками. Вот с кем связала себя поэтесса, ненавидевшая всякую тиранню, каменитая огненным своим словом изменников и соглашателей, «паразитов с блестящими очами». Такие ее произведения, как стихотворения «Когда устану я», «Да будет ночь», «Грешница», как драматические поэмы «Вавилонский плен», «На поле крови», «Ортия» — после пережитых нами событий приобрели новое злободневное значение. Вся поэзия Леси Украинки, пронизанная героическим порывом и борьбой за свободу, продолжая и углубляющая великую традицию Шевченко, обогащая украинскую литературу новыми формами и жанрами, — высокое достижение украинской классической литературы.



На совещании девушек-снайперов. И. ГУРВИЧ. Из фронтового альбома.



Июль. 1944 г. Наше наступление в Белоруссии. А. КОКОРИН. Из фронтового альбома.

С. ГЕРАСИМОВ

«Великий перелом»

Стремление советских художников выразить величие Сталинградского битвы породило уже в нашем искусстве целый ряд произведений на эту тему. В этом ряду сценарий Б. Чиркова наметил особую цель и фильм, сделанный по этому сценарию Ф. Эрмлером, занял соответствующее особое место среди наших военных картин.

Если кинофильмы первых военных лет стремились выразить силу героического движения за честь, свободу и независимость советской родины, подчас греша при этом подлинности военного быта, если последние военные фильмы научились подробно и живо изображать обстановку и людей войны, то фильм «Великий перелом» поставил и решил иные, более сложные, более важные задачи. Картина эта не по поводу войны, а о самом ее существе.

Сюжетом фильма является стратегия Сталинградского сражения. Авторы не разрешают себе малодушных отвлечений в сторону от этого сюжета и с мужеством и строгостью исследуют причины Сталинградского победы, заставляя зрителя поверить в своих героях, горячо сочувствовать им, сопереживать их неслыханную борьбу за победу советского оружия.

Война раскрывается в этой картине не в виде обширных батальных, но более всего в самом существе военной профессии, равно требовательной и к мужеству и к уму. Сообразно с генеральной задачей фильма героями его являются, прежде всего, полководцы-большевики, советские генералы. Все они: генерал Муравьев (в исполнении артиста М. Державина), генерал Виноградов (артист П. Андреевский), генерал Кривенко (артист А. Абрикосов),

все настраивает зрителя на серьезный и вдумчивый лад. С первых же кадров вы понимаете, что с вами будет говорить сурово и искренно о важнейших моментах нашей жизни. Тот этот последователь углубляется, становится стилем вещи, и зритель уже не жад отлекающих подробностей, жадно следя за основными. Этому помогает все: лапидарная точность кадра, хорошая откровенность и одновременно высокая жизненность диалога, содержательная, не суетливая игра артистов, где выражение всегда соразмерно чувству, ясный и отчетливый язык монтажа — все это помогает воспринять главное: величие Сталинградского битвы, огромную роль ее в деле грядущей победы.

Монументальность стиля в этой картине определяется не грандиозностью массовых сцен, не богатством пиротехники, не размерами декораций, т. е. средствами, которые, являясь правомерными для кинематографа, в руках неосторожного режиссера могут превратиться в нечто лишнее, лишнее, лишнее. Лучшие традиции реалистического кинематографа торжествуют в этой картине. Обстановка событий сохраняется черты почти хроникальной доподлинности, т. е. использует и массовки, и пиротехнику, и обширнейшие общие планы, ни разу не заслоня сложного поведения людей, позволяя им раскрываться все более содержательно и глубоко.

Сталинград не назван в этой картине. Мы узнаем судьбу исторического города и людей, решивших Сталинградскую победу, по многочисленным признакам жизненной и исторической правды, глубоко изученной и понятой создателями фильма. Правда эта прежде всего в том, что победа под Сталинградом — это победа большевиков Сталинградской школы. Раскрывая величие Сталинградской победы, фильм не теряет из виду не только исторический стратегический маневр, он постоянно видит самый источник сил, высоко-сознательную, непреклонную волю к победе, гигантскую выдержку советского человека, видит партию и Сталина.

В картине много отличных сцен. Это не сцены - аттракционы, которые могут быть вынуты из картины, без ущерба для ее содержания. Все они при видимой простоте исполнены глубокого смысла и мужественной красоты. Достаточно вспомнить сцену перед артиллерийским налетом, военный совет, сцены отстранения Кривенко, сцены, связанные с генералом Пантелеевым. Роль эта бесспорно прекрасная и удачная, и сценариста, и режиссера, и исполнителя. В этой роли артисту Зражевскому удалось с прекрасной глубиной раскрыть сложный душевный мир человека скромного, деликатного, но глубоко уве-



Кадр из фильма «Великий перелом». Артист М. Державин в роли Муравьева и артист В. Марв в роли лейтенанта Федорова.

ренного в своей профессиональной правоте, непреклонного в своих решениях, героического в самой глубине своей натуре. Война для него — работа, дело, требующее опыта, знаний, выдержки и спокойствия. Однако неверно думать, что он принимает войну холодно и бесстрастно. Самые сокровенные мысли его и чувства открываются только однажды, и то, когда он лежит под тяжестью ранения на госпитальной койке. Сцена эта вызывает слезы, самые дорогие слезы гордости за человека. Прекрасна также сцена на командном пункте между генералом Муравьевым и лейтенантом Федоровым, которого превос-

ходно играет артист В. Марв. В этой сцене сценарист предложил исполнителю суровую, почти жесткую интонацию военной команды. Артист, вызванный генералом на командный пункт для поощрения и благодарности, принимает эту благодарность с холодноватым достоинством, сквозь которое выступает нечеловеческая усталость и одновременно несокрушимая твердость. Га вопрос генерала — отстоит ли он своей бойкой рубашкой, лейтенант говорит, что он может отвечать за дела на своем участке только находясь там, и потому просит по возможности не отзывать его на КП без крайней необходимости. Такой ответ долго и недолго положен, и эта интонация, очень тонко сыгранная, на секунду окрашивает сцену. Но тотчас становится понятно, что такой генерал, как Муравьев, не должен и не может обидеться на такую солдатскую отповедь, потому что он сам солдат и потому что они — большевики, отвечающие за дело решающей государственной важности. Здесь автор, мужественно перешагнув через элементарную логику субординации, нашел высшую логику отношений, продикуетных обстановкой, характерами, величием и единством целей.

Так, принципиально смелая задача, столь же принципиально смелые решения, расширяет художественные средства выражения, дает прецедент для более мужественного обращения с любым материалом, даже с таким приятным, как военный, где устав открывает возможности свободного толкования взаимоотношений людей. Все эти удачные моменты — результат общей принципиальности авторов, сумевших объединить вокруг себя энтузиастов и единомышленников, среди которых надо назвать и прекрасного художника Н. Суворова, и композитора Г. Палова, и оператора А. Колычевых, и многих других сотрудников постановочного коллектива, своим настойчивым трудом обеспечивших первоклассное художественное и техническое качество фильма. Фильм «Великий перелом» — выражение зрелости советского искусства в его работе над военной темой.

Илья ЭРЕНБУРГ Глазами Василия Гроссмана

Книга Вас. Гроссмана может озадачить много читателей: повесть, два рассказа и около тридцати газетных корреспонденций, причем автор не считал нужным как-либо отделить законченный вымысел от описания подлинных событий. Это смешение мне кажется законным и уместным.

По-разному сложилась судьба того или иного писателя. Для Вас. Гроссмана годы войны были фронтными годами; они отразились на нем, как на металле, оставив на нем «монументальные потертости»; с Красной Армией он встретился не на параде Победы, да и не под Берлином. Он разделил судьбу своих героев — учителей, шахтеров, агрономов; он не проморгал по дорогам войны, он их исколесил, вяз в их глине. Он был из тех, кто не спрашивал, что даст война писателю, кто терзался другим: что даст писателю война? Он не написал так называемого «классического романа», не мог написать хотя бы потому, что был занят другим; но он написал много замечательных страниц, которые ценны не только как раскрепощенные рассказы, а как завоеванные душевные плащаницы. «Годы войны» — отчет о вчерашнем дне, и это материал для завтрашнего дня, для настоящего романа, посвященного Отечественной войне. Не знаю, кто напишет такой роман — Вас. Гроссман или другой, может быть еще неведомый нам писатель, но знаю — каждый, кто возвратится к одному из самых потрясающих событий нашей истории, найдет в книге «Годы войны» ценнейшее: исповедь современника, правдивое изображение страстей, сделанное в ту самую минуту, когда страсти безраздельно владеют сердцем. Это прежде всего честная книга; такими могли быть письма с фронта, если бы люди, далекие от литературы, не были бы в плену тех условностей, которые обращают интимное письмо в газетную статью.

Я назвал книгу «Годы войны» честной; этот эпитет вообще подходит к Вас. Гроссману, писателю большому, несколько неуклюжему, лишнему внешнего блеска, верному традициям, любящему вслух подумать, проникающему в душевный мир своих героев длительной осадой. Существует искусственный мёд и поддельная лирика. Осмерки Вас. Гроссмана написаны не за письменным столом, а в хатах и в землянках, написаны для газет, у которой свои требования, свои нравы; можно найти в книге «Годы войны» страницы потускневшие, но нет в ней лжи, нет подделки, это — востину честная книга от первого слова до последнего.

Я сказал, что Вас. Гроссман умно поступил, не отделив беллетристики от газетных корреспонденций: в его повести и рассказах много публицистики, связанной с пережитыми годами, а его газетные очерки часто достигают силы больших художественных произведений. Повесть «Народ бесмертен» написана в очень трудное время — до наступления немцев на юг. Есть в ней прекрасные главы; я не мог забыть картину пожара Гомеля, перелет сноуборда три года спустя и увидел, что не ошибся — написано это вдохновенно и мастерски; так остаются в памяти и солдат Игнатов и девушки, и страшные пейзажи войны. Потом художника отстраняет живой человек, гражданин, полковой агитатор, который взволнованно убеждает, что немцев можно и должно разбить... Для будущего романиста будет особенно ценной именно эта сторона повести, ибо здесь Вас. Гроссман — не автор, а военный корреспондент «Красной звезды», участник отступления, то есть один из персонажей написанного романа. Законны искусства строгости, они хорошо известны Вас. Гроссману. Если он все же прибавил конюшку к рассказу «Старый учитель», который естественно кончается смертью учителя, если в рассказе «Жизнь» к утверждению жизни героями он добавил свое утверждение, то это потому, что кроме законов искусства существуют законы войны, и они были для Вас. Гроссмана обязательными для всех честных людей.

Вас. Гроссман. «Годы войны». Гослитиздат, 1945.



Белорусия, 1944 г. Танки в наступлении. А. КОКОРИН. Из фронтового дневника.

Евгений КРИТЕР РАССКАЗЫ О ДОБЛЕСТИ

В сборнике военных рассказов Константина Симонова есть рассказ под названием «Бессмертная фамилия». Самый маленький по размеру, — четыре с половиной странички, — он запомнится читателю надолго и, может быть, послужит ключом, раскрывающим смысл всей книги. Все очень просто в этом рассказе. На Лесне во время бомбежки саперы навели временный мост. Автор обратил внимание на руководившего постройкой бесполого майора, который нетерпеливо и даже сердито приказывал своим подчиненным продолжать работу, не обращая внимания на последний из немецких самолетов, назойливо кружащий над мостом. Саперы поднялись из укрытий, топоры снова заступали на переправе, и немецкий самолет вскоре улетел, убившись, что, кружило он тут хоть до вечера, мост все равно будет строиться. Эпизод не настолько значительный, чтобы запомнился он сам по себе, но случилось так, что в следующую поездку, уже на Днепре, автор стал встречать на дорогах знакомых людей, и в их разговорах, точно, автор написал на куске фанеры, прибитом к телеграфному столбу, то на стене хаты, то мелом на броне полуброне немецкого танка: «Мин нет. Артемьев», или «Дорога разведена. Артемьев», или «Мост навешен. Артемьев», или наконец, просто: «Артемьев» и стрелка, указывающая «вперед». Выяснилось, что это тот самый майор, человек, знаменитый на своем участке, один из великих и скромных тружеников фронта, который так сыпался Красная Армия. Наступление на Дорожце, и надписи Артемьева — подробные и в Бессарабии, и в последний раз на Пруте он снова прочитал знакомую надпись: «Переправа есть. Артемьев».

И он переправился на ту сторону Прута. Но там он не нашел знакомой надписи, там увидел он свежесыпанный мостик, в котором холмик с прибитой под жестяной звездой дощечкой. «Здесь похоронен, — было написано на ней, — павший славной смертью сапера при переправе через реку Прут майор А. Н. Артемьев». И внизу написано: «Помните героя». И в последний раз на Пруте он снова прочитал знакомую надпись: «Переправа есть. Артемьев».

Е. Симонов. Рассказы. «Советский писатель». М. 1946.

Александр ДРОЗДОВ Солдатская дружба

«Должно быть, легко вам, сынок, отступать перед неприятелем и отдавать детскую землю. Мы в наши времена прыгать были и не допускали германца на Дон. Видно, мне придется вспомнить старое и снаряжаться к тебе на подмогу. А тебе, сынок, придется возвратиться в котлох и вместе с бабами крутить тут быкам хвосты».

Из горьких попреки старого казака Тимофея Рубцова как будто вытекает, что детов казак деловити куда надежней новых форм жизни. Красная Армия отстает, горят куряны, плахи забиты беженцами, степь мертва. Черныбы да ослы галчат нивы. В казачьих сздах, как мертвые, обзавелись лошадыми вышивные стволы. А старики прыгать были и не допускали германца на Дон...

Что же это? Неужели здесь допущена известная доля романтизации казацкой старины, приращения к донским легендам. Или так уж заманчива, так непоколебима красна старина, что за нею и нынешнего дня не видно?

В романе А. Калинина «На юге» были нотки любования стариной. В «Товарищах» этот нет. Обращается к нему, из которой и взят сюжет этого казацкого дела. 1942 год на Дону. Июль месяц. После провала немцами фронта под Харьковом и в Донбассе, наши юго-западные армии отступили. Андрей и Петр, молодые солдаты, отступают вместе со своей ротой, отрезанной от батальона. На их пути — родная станица Андрей. Старый казак Тимофей не может уйти с армией. Он встречает сына словами: «Отступайте, сынок». Тимофей велит и сыну отступить, на пороге родного куреня вместе со станинниками задержать врага. «У нас ведь немцев нет, раскаты, какие еще. В Первой конной служил с Ворошиловым, с Буденным». Нет, он не из тех стариков, которые в «На юге» красовались нарскими георгинями на груди и пели стародонские песни. Мысли его обращены к гражданской войне, он помнит лихие атаки буденновской конницы, но не знает войны моторов. Он не знает и того, что на первом этапе Отечественной войны... «си отступая, они продолжали наступать». Теперь — по какому виду, как был покорен немцами раскаты, так и бланкири. Старик Тимофей в тот час все это, конечно, было непонятно.

Андрей не остался с отцом, а ушел с армией. Вскоре старик признается, что на месте сына тоже не нарушил бы приказа начальников об отступлении — «должно было, для армии еще не пришла минута остановиться и оборотиться на врага». Приказ начальников равносителен приказу родины. За эту родину, а не за родину атаманов красных воевал он пол знаменами Ворошилова.

Чинимая в казачестве власть отца изменяется не силой патриархальных традиций, а мерью участия в борьбе за власть Советов.

Советский народ победил своим единством. Есть в романе такая сцена: старый казак разговаривает с секретарем обкома Бугровым. «Уважаю и люблю тебя, Митрич, за то, что ты свой Союзом своей, будто из одного корня со мною вышел, как скажем, мой брат Максим или сын Андрей. Такое у меня раздумие, Митрич, будто я сам лично тебя на эти министерские кресла посадил. И если ты обмундирешься, то я же могу тебя обратным манером отсюда погонять. А вместо тебя сядет, скажем, мой Андрей, потому что он тоже свой. Вот за это самое, Митрич, я тебя уважаю и люблю».

Здесь отчетливо изображено понимание старым казаком советского народолюбия, изображен социальный характер Тимофея.

Как видно из самого названия романа, задача Калинина — изобразить товарищескую, фронтовую дружбу. Так роман и строится: от самого начала и до конца мы

А. Калинин. «Товарища», «Новый мир», № 10 и 11 — 12 за 1945 год.

Следим за боевой судьбой двух друзей, Андрея и Петра. Об Андрее мы знаем много, мы знаем его детство, его семью, его крестьянскую привязанность к земле, его уравновешенность в мелочах и в главном. О Петрове Петра, городского комсомольца, мы почти ничего не знаем. Тем не менее Калинин сумел нарисовать его столь же убедительно, как и Андрея. По теплоты, по всему комплексу житейских привычек, по восприятию впечатлений и реакции на них эти юноши не только разные, но как бы и полярные. Андрей сосредоточен, разумен, любовь к хозяйственному порядку скажется у него во всем, даже в окопном обиходе, даже в пулемете, даже в атаке. Петр экспрессивен и пылок, он бесшабашно смеет, но знает и милоту умиления, великодушен, но порою и детски эгоистичен. Оба они любят теплофонию. Саша, пребывая в том состоянии инкогнито подмена духа, когда слышавши негласно любимой, они напропалую трясут сердце. Любовь их скрытна. Они тянутся и друг перед другом, и перед Сашей, но, как это всегда и бывает в таких случаях, все вылетает сразу, не помогает ни в молчаньи. Но что такое Саша? Как фигура реальная, она Калинин оказалась трудна, куда живней и зримей другие его герои. Саша существует в романе лишь как поэтическое начало, как своего рода символ нежной, чистой, немой восторженности любви.

Ничто не декларировано, не объявлено в романе — все вытекает из поведения, из душевных побуждений, из самой природы людей. Разрозненных натур, как Андрей и Петр. Чем же проверяется эта дружба? Подвигом и готовностью полотить за друга жизнь. Произошла размова: истинной любви нельзя делить. Но вот Андрей в беде. С пятого этажа, раненый, он прикрывает огнем пулемета роту. Знание уже заносит немцами. Петр самоотверженно выносит друга из здания на своих плечах. Саша это очень драматично, хотя и написана без нажима, в характерной для Калинина задушевной манере. В заключении этой драмы Андрей и Андрей, Петр в бреду проговаривается о своей любви. Заканчивается сцена с бредом написана поэтично, кичливо не найдеными словами, да испутив несколько механически: сознаны все виновники происшествий для развития сюжета; кажется, что сам автор не знал, что с ними делать, растерялся, заговорил постыдным голосом, а сюжета так и не развивал!

Все же эта слабая глава не способна испортить роман. Поэтичность произведение говорит за себя, в нем раскрывается смысл новых отношений. Вполне возможно представить дружбу Андрей и Петра и в мирное время. Эта дружба высока прежде всего потому, что Андрей и Петр — отличные солдаты. А отличные солдаты они потому, что они советские солдаты. Нет нужды повторять, что ассоциируется у нас с представлением о советском солдате. Перечитайте главу, где Петр по наружным костюмам в стезе лезет к окну многоэтажного здания, чтобы гранатой снять вражеское пулеметное гнездо. Это делает советский солдат. Тот же Петр на переправе бросается в воду за уходящим ребенком. Это делает советский солдат. Рота обороняет на берегу Волги крохотный участок, со всех сторон обложенный превосходящими силами врага. Поглядяте, как это описано, как описаны советские солдаты. Опы? Без лишней скромности говоря, русские солдаты всегда были орлами на ратном поле. Дело в том, что солдат СССР, кроме смелости и умения, кроме мужества и терпеливости, кроме техники, которую давал ему беспримерный советский тыл, имел решающее оружие на своем вооружении: под Сталинградом, как и под Берлином, он был носителем большевистских идей.

Как современник и участник Отечественной войны, Калинин показывает эту решающую сторону дела изнутри материала. Идея большевистского воспитания солдата — главная тема романа. Это воспитание и порождает солдатскую дружбу в ее

мом и высоком качестве. Капитан Батурич получил у Калинина живым, человеческим и естественным, потому что в этом образе сосредоточены разумный Калинин, о поведении советского человека на войне, о сути и целях нашего оружия и правоты нашего дела. Образ капитана скромно, но он сразу же притягивает взор. А раз вы приглядитесь к нему и стали следовать за ним по страницам романа, то исподволь раскроет перед вами все сложное богатство своей личности, формируемой условиями советской действительности. По тому, как он решает вопрос о нарушении Петром дисциплины (Петр спас девочку, покинув боевую позицию), по тому, как он несет свое личное горе (жена и дочь убиты), по тому, как он поручает Петру, какое Андрей (разные характеры, разные и поручения), по его интеллигентности в бою, по его значению солдата видно, что это за человек и командир. «За эти полтора года он окончательно убедился в том, что каждый должен вносить свои, новые изменения в старье, академические представления о войне». «К этим мыслям применилась растущая тревога за судьбу роты. Столько было вложено в нее труда, бессонных ночей, сердечного тепла и крови людей. И вдруг окажется, что с его уходом из этого похода роты не будет. Значит, все держалось только на нем, на одном человеке? И, значит, никуда он не годился как воспитатель роты? Это уже неясное понимание пути нашего роста... не только военного... — глубокое понимание ответственности перед страной, т. е. высшая советская нравственность».

Есть такой человек в романе, улыбающийся, несмотря на всю свою военную парадность, — старшина Крутицкий. Служака в самом убогом смысле слова, армейский карьерист и потребитель нехитрых благ земных, он живет в кругу постылков, очерченных определенной чертой. У Калинина сказано о нем убийственно метко: «Батурич перевел взгляд на Крутицкого и увидел на его лице нарастающее отражение улыбки начальства. Этот самовлюбленный петух верит, что после войны образуется каста военных людей, и жить среди этой касты будет ему спокойно и сытно».

«Батурич с любопытством посмотрел на него и, сощурив глаза, медленно возражал: — Кады профессионалов, армейское ядро — да каста — нет. — Я убежден в этом, — сказал Крутицкий. Он слышал, как на переправе через Волгу рассуждали об этом два генерала. — «...Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой!...» — мощно подлая песня слитный голос хора мужских голосов».

«Кастовость, — прислушиваясь, сказал капитан, — это значит ограниченность и отделение от народа. А вы попросту захотели эту песню среди стен».

Народ, это сознательный свой щель, дал армии командиров, знающих цели войны, поэтому и отдающих ей все силы и знания. На кульминации событий Калинин показывает подлинное воинское творчество Батурича в бою. Враг бьет разбит. Неадекват старший Тимофей выходит по ночам во двор и слушает, как «гукуют» орудия у Сталинграда. Два друга, Андрей и Петр, генерал и член военного совета, среди крошечных стен Сталинграда, среди беспримечного сражения, смотрят на волдырях степи и строят на весу план заезда... что за странная люди, что за фантазеры! А ведь не фантазеры они, а реалисты, чей реализм написан несокрушимой верой в будущее».

Признаем же, что Калинин хорошо видит своих товарищей по оружию, по жизни и по реальной мечте, что стал писать он свободно и вдумчиво, хотя слова еще не всегда достаточно точны, а иные ситуации раскрыты слишком общо.

В моменты кризиса боев очень хорошо, очень уверенно и спокойно звучат его слова: «Распоряжатся преследованием. Высшая зрелость армии состоит в том, что командиры ее даже в самое напряженное время могут довериться опыту, знаниям, выдержке своих подчиненных».

Вот эти главные свойства людей Красной Армии Симонов и стремится прежде всего показать в своих рассказах. Он хочет быть точным и ясным в описании великих и малых событий войны, но порою его тяготение к аскетической сдержанности, строгости изложения скрывает творчество свобод писателя. Подвиг в думу и сказку становится прямой стенограммой событий. Память у него отличная, он во всех подробностях помнит, как протекал бой, который руководил, скажем, Праншиников, и работа над рассказом, как будто боится дополнить виденное, расширить характеристику героев средствами художественного обобщения. Писатель как будто видит только войну, и героев своих заставляет говорить только о войне. Диалоги в рассказах суховаты, самый крупный момент действующих лиц ограничен боевыми делами, а это неверно: в самое тяжелое время жизни нашей армии жили и работали все стороны, жадно присматривались к окружающей жизни, готовы были не только ночью обсуждать самые казальные бы, далекие от фронта вопросы бытия нашего. Духовная жизнь их чрезвычайно богата и многообразна. Симонов не коснулся ее.

В той же книге помещены опубликованные ранее в журналах военные дневники Симонова. В них не чувствуется этой аскетической скрупулезности Читателя, который судил бы о прозе Симонова только по его рассказам, прочтя затем дневники, с удивлением обнаружил бы новые свойства его таланта — живой и естественный юмор, наблюдательность, от которой не ускользнет ничто, умение двумя-тремя штрихами обрисовать характер человека. Но о военных дневниках Симонова нужно писать отдельно, так же как о военных дневниках сматривая цикл его рассказов, посвященных партизанам Югославии».

Книга Симонова о людях Красной Армии — это книга о доблести. О такой воинской доблести, которая проявляется в несколько минут вдохновения, не в тягостном долготрагическом бунде войны, в великом труде армии, теснящей врага от Волги до Шпрее.

Советские боевые корабли в бухте Порт-Артура. В. ВЫСОЦКИЙ. Из фронтового альбома.

Я. КОЗЛОВСКИЙ ВОДА

Волжанин был один из них. Жил у Днепра второй, А здесь пришлось им на двоих. Дельный стакан с водой, С водой, которая была, Как в море, солоня. Которой цену степь дала Столетнего вина... Пошел с утра под пунз везд. И помню, как сейчас, Волжанин вынул в пулемет Из фляги весь запас. И сердцем поил с тем, вторым, Хотевшим адски пить, Что без Днепра и Волги им Вовек не прожить.

СЕРГЕЙ СМОРНОВ СТЕПЬ

Родная степь. Как широка она! Который день от солнца нет отбоя. Бескрайная пшеница. Тишина. Да небо голубое-голубое. Да птичка-невеличка где-то в нем Звенит о чем-то светлом и беспечном. Она звенит, и кажется, что вечно Здесь было так же, как сегодня днем. Но распрости о дела-забыта: Скажите мне, а что здесь раньше было? И ты услышишь, — тут была война... И вот осталась братская могила, Притоптанная временем. И к ней По праздникам приходит вся станица Погибшим за Отчизну поклониться... Отсюда пережить виденье...

Илья ФРЕНКЕЛЬ Из фронтовой тетради

Здесь, в районе Сандомира, было трудно для нас — на мою солдатку-диру навалился мессера. Ходят подлые над целью: — Эй, писани! Выберишь расходу рифмами и целью. Хочешь в землю, хочешь в рай!.. Но когда я рифмой занят, пусть тогда меня таранят, пусть бомбят, иду в пику — все стерплю с пером в руке.

Илья ЭРЕНБУРГ Глазами Василия Гроссмана

Мне нравятся и повесть и рассказы, но выше их я ставлю сталинградские очерки. Какие это замечательные странички! Написанные на линии огня, они сохранили воздушность. Писатель создал героев повести комиссара Богарева и Мерзалева, он мог прислать любые чувства, предать им любые поступки. Занятники Сталинграда, описанные в газетных корреспонденциях, существующие люди; между тем они выглядят глубже и значительнее персонажей повести. Снайпер Чехов, броневик Гурьев — вот настоящие герои этой книги, и они навсегда останутся в памяти читателя.

Иллюстрации О. ВЕРЕЙСКОГО к книге рассказов В. Воробьева «Наследство» (Военизг).

Солдатская дружба

Следим за боевой судьбой двух друзей, Андрея и Петра. Об Андрее мы знаем много, мы знаем его детство, его семью, его крестьянскую привязанность к земле, его уравновешенность в мелочах и в главном. О Петрове Петра, городского комсомольца, мы почти ничего не знаем. Тем не менее Калинин сумел нарисовать его столь же убедительно, как и Андрея. По теплоты, по всему комплексу житейских привычек, по восприятию впечатлений и реакции на них эти юноши не только разные, но как бы и полярные. Андрей сосредоточен, разумен, любовь к хозяйственному порядку скажется у него во всем, даже в окопном обиходе, даже в пулемете, даже в атаке. Петр экспрессивен и пылок, он бесшабашно смеет, но знает и милоту умиления, великодушен, но порою и детски эгоистичен. Оба они любят теплофонию. Саша, пребывая в том состоянии инкогнито подмена духа, когда слышавши негласно любимой, они напропалую трясут сердце. Любовь их скрытна. Они тянутся и друг перед другом, и перед Сашей, но, как это всегда и бывает в таких случаях, все вылетает сразу, не помогает ни в молчаньи. Но что такое Саша? Как фигура реальная, она Калинин оказалась трудна, куда живней и зримей другие его герои. Саша существует в романе лишь как поэтическое начало, как своего рода символ нежной, чистой, немой восторженности любви.

Ничто не декларировано, не объявлено в романе — все вытекает из поведения, из душевных побуждений, из самой природы людей. Разрозненных натур, как Андрей и Петр. Чем же проверяется эта дружба? Подвигом и готовностью полотить за друга жизнь. Произошла размова: истинной любви нельзя делить. Но вот Андрей в беде. С пятого этажа, раненый, он прикрывает огнем пулемета роту. Знание уже заносит немцами. Петр самоотверженно выносит друга из здания на своих плечах. Саша это очень драматично, хотя и написана без нажима, в характерной для Калинина задушевной манере. В заключении этой драмы Андрей и Андрей, Петр в бреду проговаривается о своей любви. Заканчивается сцена с бредом написана поэтично, кичливо не найдеными словами, да испутив несколько механически: сознаны все виновники происшествий для развития сюжета; кажется, что сам автор не знал, что с ними делать, растерялся, заговорил постыдным голосом, а сюжета так и не развивал!

Все же эта слабая глава не способна испортить роман. Поэтичность произведение говорит за себя, в нем раскрывается смысл новых отношений. Вполне возможно представить дружбу Андрей и Петра и в мирное время. Эта дружба высока прежде всего потому, что Андрей и Петр — отличные солдаты. А отличные солдаты они потому, что они советские солдаты. Нет нужды повторять, что ассоциируется у нас с представлением о советском солдате. Перечитайте главу, где Петр по наружным костюмам в стезе лезет к окну многоэтажного здания, чтобы гранатой снять вражеское пулеметное гнездо. Это делает советский солдат. Тот же Петр на переправе бросается в воду за уходящим ребенком. Это делает советский солдат. Рота обороняет на берегу Волги крохотный участок, со всех сторон обложенный превосходящими силами врага. Поглядяте, как это описано, как описаны советские солдаты. Опы? Без лишней скромности говоря, русские солдаты всегда были орлами на ратном поле. Дело в том, что солдат СССР, кроме смелости и умения, кроме мужества и терпеливости, кроме техники, которую давал ему беспримерный советский тыл, имел решающее оружие на своем вооружении: под Сталинградом, как и под Берлином, он был носителем большевистских идей.

Как современник и участник Отечественной войны, Калинин показывает эту решающую сторону дела изнутри материала. Идея большевистского воспитания солдата — главная тема романа. Это воспитание и порождает солдатскую дружбу в ее

мом и высоком качестве. Капитан Батурич получил у Калинина живым, человеческим и естественным, потому что в этом образе сосредоточены разумный Калинин, о поведении советского человека на войне, о сути и целях нашего оружия и правоты нашего дела. Образ капитана скромно, но он сразу же притягивает взор. А раз вы приглядитесь к нему и стали следовать за ним по страницам романа, то исподволь раскроет перед вами все сложное богатство своей личности, формируемой условиями советской действительности. По тому, как он решает вопрос о нарушении Петром дисциплины (Петр спас девочку, покинув боевую позицию), по тому, как он несет свое личное горе (жена и дочь убиты), по тому, как он поручает Петру, какое Андрей (разные характеры, разные и поручения), по его интеллигентности в бою, по его значению солдата видно, что это за человек и командир. «За эти полтора года он окончательно убедился в том, что каждый должен вносить свои, новые изменения в старье, академические представления о войне». «К этим мыслям применилась растущая тревога за судьбу роты. Столько было вложено в нее труда, бессонных ночей, сердечного тепла и крови людей. И вдруг окажется, что с его уходом из этого похода роты не будет. Значит, все держалось только на нем, на одном человеке? И, значит, никуда он не годился как воспитатель роты? Это уже неясное понимание пути нашего роста... не только военного... — глубокое понимание ответственности перед страной, т. е. высшая советская нравственность».

Есть такой человек в романе, улыбающийся, несмотря на всю свою военную парадность, — старшина Крутицкий. Служака в самом убогом смысле слова, армейский карьерист и потребитель нехитрых благ земных, он живет в кругу постылков, очерченных определенной чертой. У Калинина сказано о нем убийственно метко: «Батурич перевел взгляд на Крутицкого и увидел на его лице нарастающее отражение улыбки начальства. Этот самовлюбленный петух верит, что после войны образуется каста военных людей, и жить среди этой касты будет ему спокойно и сытно».

«Батурич с любопытством посмотрел на него и, сощурив глаза, медленно возражал: — Кады профессионалов, армейское ядро — да каста — нет. — Я убежден в этом, — сказал Крутицкий. Он слышал, как на переправе через Волгу рассуждали об этом два генерала. — «...Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой!...» — мощно подлая песня слитный голос хора мужских голосов».

«Кастовость, — прислушиваясь, сказал капитан, — это значит ограниченность и отделение от народа. А вы попросту захотели эту песню среди стен».

Народ, это сознательный свой щель, дал армии командиров, знающих цели войны, поэтому и отдающих ей все силы и знания. На кульминации событий Калинин показывает подлинное воинское творчество Батурича в бою. Враг бьет разбит. Неадекват старший Тимофей выходит по ночам во двор и слушает, как «гукуют» орудия у Сталинграда. Два друга, Андрей и Петр, генерал и член военного совета, среди крошечных стен Сталинграда, среди беспримечного сражения, смотрят на волдырях степи и строят на весу план заезда... что за странная люди, что за фантазеры! А ведь не фантазеры они, а реалисты, чей реализм написан несокрушимой верой в будущее».

Признаем же, что Калинин хорошо видит своих товарищей по оружию, по жизни и по реальной мечте, что стал писать он свободно и вдумчиво, хотя слова еще не всегда достаточно точны, а иные ситуации раскрыты слишком общо.

В моменты кризиса боев очень хорошо, очень уверенно и спокойно звучат его слова: «Распоряжатся преследованием. Высшая зрелость армии состоит в том, что командиры ее даже в самое напряженное время могут довериться опыту, знаниям, выдержке своих подчиненных».

Вот эти главные свойства людей Красной Армии Симонов и стремится прежде всего показать в своих рассказах. Он хочет быть точным и ясным в описании великих и малых событий войны, но порою его тяготение к аскетической сдержанности, строгости изложения скрывает творчество свобод писателя. Подвиг в думу и сказку становится прямой стенограммой событий. Память у него отличная, он во всех подробностях помнит, как протекал бой, который руководил, скажем, Праншиников, и работа над рассказом, как будто боится дополнить виденное, расширить характеристику героев средствами художественного обобщения. Писатель как будто видит только войну, и героев своих заставляет говорить только о войне. Диалоги в рассказах суховаты, самый крупный момент действующих лиц ограничен боевыми делами, а это неверно: в самое тяжелое время жизни нашей армии жили и работали все стороны, жадно присматривались к окружающей жизни, готовы были не только ночью обсуждать самые казальные бы, далекие от фронта вопросы бытия нашего. Духовная жизнь их чрезвычайно богата и многообразна. Симонов не коснулся ее.

В той же книге помещены опубликованные ранее в журналах военные дневники Симонова. В них не чувствуется этой аскетической скрупулезности Читателя, который судил бы о прозе Симонова только по его рассказам, прочтя затем дневники, с удивлением обнаружил бы новые свойства его таланта — живой и естественный юмор, наблюдательность, от которой не ускользнет ничто, умение двумя-тремя штрихами обрисовать характер человека. Но о военных дневниках Симонова нужно писать отдельно, так же как о военных дневниках сматривая цикл его рассказов, посвященных партизанам Югославии».

Книга Симонова о людях Красной Армии — это книга о доблести. О такой воинской доблести, которая проявляется в несколько минут вдохновения, не в тягостном долготрагическом бунде войны, в великом труде армии, теснящей врага от Волги до Шпрее.

Литературная газета

КУКРЫНКСЫ

«Встреча» в Нюрнберге

Все тысячи четыреста восемнадцать дней войны с немецким фашизмом советские художники работали над карикатурой и плакатом, в которых старались показать истинное лицо фашизма с его безумством, бесчеловечностью, манной величия.

Мы всегда были уверены в том, что достаточно взглянуть на фотографию Гитлера или Гертинга, Геббельса или Гиммлера, чтобы наилучшим образом убедиться в бездальности их диких планов.

Первого гитлеровца мы увидели в начале сорок второго года, в восьмидесяти километрах от Москвы, около Можайского шоссе. Он лежал на снегу, среди березовых кустов и пучков бутылок, без каски, голова его была обмотана грязной тряпкой, из которой торчал восковой нос.

Другой ноги не было. Вторую ногу он успел зарыть. Ни шинели, ни тряпки, ни сапог не делало его человеком — это было падаль. Тогда он показался нам частией самого Гитлера.

Это было время первых успехов Красной Армии на фронте. В редакциях газет и журналов начали появляться трофейные фотографии. Стандартные форматы карточки, с зубчатыми краями, изображали либо отдельных солдат и офицеров, либо целые группы ходоцук и гримаши.

За время войны мы неустанно разоблачали зверный лик фашизма, и теперь пишется последняя глава этой работы.

Нюрнберг, судебный процесс. Вот мы в городе нацистских «сладов! Мало же от него осталось. Обрушившиеся серые здания и груды кирпича мелькают в окнах машины на протяжении всего пути до здания Дворца юстиции.

Каждый шаг в несконаемых коридорах этого мрачного дворца приближал нас к залу суда. Последний поворот. Пропуская проверен, мы получаем право войти в зал.

Мы рассматриваем пока еще пустой зал суда, как вдруг из выдвинутой двери боковой стены внезапно появляется знакомая нам фигура. И зачавшие назад с заискивающими волосами, и бабье, с кусками румянца образующее лицо, и тонкий широкий лагушечий рот без нижней губы. Даже бегающие оловянные глаза — все до мелочей давно знакомо нам. Это он — Геринг. И только в последующие минуты мы видим, как осело его некогда налитое тело и появились щеки, достигшие на киноленте документального фильма, где Геринг, продаживаясь по одной из разоренных чехословацких деревень, даже на анста смотрелся взглядом победителя.

Но не успели мы хорошенько рассмотреть Геринга, как на пороге двери показалось нечто еще более страшное. На длинной шеде-восковом плоском лице с черными мхотатыми глазами и торчащим носом. Небольшой старушечий рот что-то беззвучно проносил. Сочетание страшного и выдуманного было в этой фигуре, оказавшейся Гессом.

Это, пожалуй, самый отвратительный и не поддающийся никакой карикатуре преступник. Все в нем злые шаржи на него уступают оригиналу. Рядом с Гессом сидит Риббентроп. Это — развалина. Седой клок волос, серое лицо с запавшими в тем-

ные мешки щеками глаз. Это лицо не реанимирует никак даже на шакалке каблуков и ежелевном, аккуратное «гуг моголь» в сторону Гертинга, проносимое Кейтелем с улыбкой подчиненного.

Военный мундир Кейтеля пуст. На нем нет знаков отличия, орденов, нашивок, всего того, чем так щедро унаследовал его Гитлер за верную службу по разграблению других стран. Гитлер был доволен изобретательностью Кейтеля и тем, как старательно он исполнял приказания. А фельдмаршал не знал, чем бы еще порадовать своего фюрера, и после каждого очередного разоя, как правило, развлекал его игрой на рояли. Длинные музыкальные пьесы палили Кейтеля чертили планы агрессии и подписывали чудовищные приказы о казвении и уничтожении советских воинов.

Вот Альфред Розенберг — несостоявшийся правитель советских областей. Он входит и тихонько садится на свое место. Молчаливо и неподвижно высматривает все заседания, вероятно, таким поведением желая создать о себе определенное впечатление, но это лишь хитрая маска одного из самых страшных гитлеров.

На экране в зале мы видим его настоящих. В начале картины об истории нацизма Розенберг, одетый в военный мундир, развалился в кресле, смотрит холодно, жестким взглядом на зрителя.

Позади Розенберга, на второй скамье, — красивое лицо с тяжелой, как молот, челюстью, нарисованные брови, под ними серьезные глаза и голова, и фигура, и огромные руки — все это напоминает крупного павиана, одетого почему-то в синий человеческий костюм и называемого под судимым фон-Папеном.

Большой желтый череп, поросший на затылке редкой седой шерстью, черный, безжалостный старческий глаз около горбатого носа и выгнутый в презрительной гримасе рот — все, что теперь называется Штрейхером. Чудовищный истребитель евреев сидит неподвижно, не моргая, опустив руки вниз.

Некогда Штрейхер в этом же зале судился за убийство малолетних. Скамья уже насажена им.

Шахт идет на свое место, вытянув длинную шею, ни с кем не здороваясь. Он поворачивается спиной не только к подсудимым, но и к экрану, когда на экране показывают кинодокументы о зверствах в концлагерях. Кажется, будто он считает, что случайно попал в зал суда.

Пробуждая плакать и судорожно дергаться после кинокартины, показывающей кошмары концлагерей, бывший губернатор Польши Франк вызывает у окружающих лишь еще большее отвращение. За напряженно смотрит, как по экрану ползут снеговички и медленно поднимают горы трупов к могилам. Франк хочет забыть это. Как только зажигает свет в зале, он сейчас же надевает темные очки, желая, видимо, избежать зрелища (которое, впрочем, может ему пригодиться лишь для того, чтобы рассмотреть получше веревку).

К началу заседания к залу суда в своих традиционных черных мантиях и шапочках начинают подходить защитники.

Американская стража подолгу рассматривает содержимое каждого адвокатского портфеля. Адвокаты принимают в это время незанятый вид, сложив руки и время на живое и устремив глаза в потолок.

Потом, получив разрешение пройти, эти защитники, гордо задирая голову, не входя в зал заседания, они по малейшему поводу подкаивают к трибуне, стараясь опочорить невыгодные для них показания свидетелей или отвергнуть предъявляемые обвинениями документы. Трусые руки и прерывающиеся голоса взывают к гуманности и человеколюбию.

Чувство неловкости и омерзения вызывают обычно эти выступления лицезеров в черных мантиях. Защита пытается заменить собою кислородную подушку, которая должна продлить существование никому не нужных человеческих отбросов. Но ничто уже не поможет тем, кто находится под следствием, издыхая на скамьях подсудимых.

Нельзя без содрогания слушать текст чудовищных программ истребления русских военнопленных, составленных Гессом и Штрейхером. Но когда видишь, как при чтении этих документов Гесс, сложив руки, с гордым видом одобрительно начинает кивать головой и кривить рот в отвратительной улыбке, — становится совсем не по себе, и трудно увидеть на месте.

Во время демонстрации кинодокументов гаснет свет во всем зале, и лишь скамья подсудимых освещается рамповым светом снизу на подобие оркестра в театре. Поэтому у каждого момент можно увидеть, как реагируют на фильм подсудимые.

Суду показывают фильм «История нацистской партии». Можно увидеть, как «фюрер», задышав в бесконечных речах, рвется к власти, потом, захватив ее, неистово торжествует, лихорадочно строит планы разгрома мира, захватывая страны, сжигая и грабя их, нагло смеется, потирает руки и притоптывает ногами. Ему вторит вся шайка. Но вот наступает 22 июня 1941 года. Лицо фюрера начинает меняться, в движениях проявляется суетливость. Сталинград. После Сталинграда — разгром Москва. Безжалостно уничтожается советский войск, покушение на фюрера, и перед зрителем на фоне бронепоезда — окруженная

улиценной охраной, собенная фигура Гитлера в длинном черном плаще, из-под которого робко высовывается левая рука для рукопожатия, правая после покушения не движется.

1944 год. день рождения Гитлера. Под Бранденбургскими воротами просекает коляска, две белые лошади, впереди бежит несколько исхудалых мальчишек с маленькими флажками со свастикой. Крутом дуютшино. Две кадры доводятся эту сцену. На одном — какой-то юный фрнц выкает в груду развалин фляжок со свастикой, на другом — то же самое делает немка. Зажигается свет в зале, и окончание фильма мы видим уже на скамье подсудимых.

Мы выходим из двор суда. Уже темно, советские, американские, английские, французские машины встречаются нас светом фар. Двор гудит от машин.

И маленькая машина с сидящим в ней советским шофером в этот вечер особенно дорога, она заменяет далекую, родную Москву. Из нее не хочется выходить. Но вот снова утро, и мы снова едем к зданию суда. Слякотная зима, мокрый снег. Медленно движется битком набитые трамваи. Машина мчится мимо подосаго ишабаума. Это граница запретной зоны — квартала, в котором помещается Дворец юстиции.

Ценные эсэсовцы под охраной американского солдата подметают двор. Лица у них серые. Исподлобья они выдвигаются на проходящих. А рядом, у входа в здание суда, лицом друг к другу стоят на часах два румянца красноармейца с винтовками. Сегодня почетный караул несут советские часовые. Мимо них прохают американцы, англичане, французы, судьи, журналисты, переводчики. Над дверями равняются четыре больших флага Объединенных наций.

Не сравниваясь, советские представители приходят в зал первым. Такая заинтересованность советских людей, вероятно, Заслонова, которому посылито присвоено звание Героя Советского Союза.

Постановку пьесы консультировал Герой Советского Союза генерал-майор П. Вершингора. Главную роль — Александра Горбачева — исполняет А. Краснополский. Спектакль поставлен Я. Кракопольским. Художник М. Беспалов, композитор А. Духанян. Художественный руководитель постановки Н. Петров.

В журнале четыре раздела: статьи, обзоры, библиография и хроника. В первом из них напечатаны статьи: А. Егорова «Обсуждение традиций русской литературы», Т. Мотылевой «Мировое значение Льва Толстого» и Н. Тихонова «Литературные заметки» (о значении приключенческих книг).

В журнале опубликовано два обзора: А. Леонтьева «Из литературного наследия Маркса» («Архив Маркса и Энгельса», т. IX) и Е. Горюхиной «Новые ленинские материалы» («Ленинский сборник», т. XXXV).

Биография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).

Библиография в номере группируется по вопросам: философия, экономика, история, публицистика, литература и искусство. Здесь рецензии Н. Четуновой и Е. Бобровской (Ф. Панферов «Борьба за мир»), В. Гоффеншера (В. Смирнов «Синово»), Е. Кинпович (А. Твардовский «Фронтальная хроника»), «Возмездие», М. Морозова (К. Магвуги «Юсуп и Ахмед»), А. Белецкого («А. Орлов «Древняя русская литература XI—XVII веков»), Д. Благого (Н. Бродский «М. Ю. Лермонтов»), С. Обноровского (В. Виноградов «Великий русский язык»), А. Старичева («Восточные стихотворения и проза»), С. Дурдина («И. Зильберштейн «Ренин и Турневе»), «Ренин и Горький»).



М. ГОРЬКИЙ. Рисунок художника Юрия РОСТОВЦЕВА к одноименному произведению М. Горького (Гослитиздат).

ПЬЕСА О ПАРТИЗАНАХ

Сегодня, в день 28-й годовщины Красной Армии, Центральный театр транспорта показывает премьеру пьесы Г. Майдани и А. Кирова «Молодой человек». Это — пьеса о партизанском подполье в годы Великой Отечественной войны. В основу сюжета положена деятельность Константина Заслонова, которому посылито присвоено звание Героя Советского Союза.

Сборники о русских полководцах

В Гослитиздате выдлет серия сборников, документов и материалов, характеризующих боевую деятельность знаменитых русских полководцев. Находятся в производстве сборники «Фельдмаршал Кутузов», «Фельдмаршал Суворов» и «Генерал Багратион». Готовится к печати сборник «Фельдмаршал Румянцев». В книгу вошли документы и материалы Центрального государственного военно-исторического архива.

Библиотека красноармейца

Воениздат выпустил недавно в серии «Библиотека красноармейца» книжки: А. Фадеев «Сучан» — отрывок из романа «Последний из узле», С. Диковский «Командант птичьего острова», сборник рассказов и легенд М. Горького «Слава храбрым», рассказы В. Коженикина «Воиновское счастье» и отрывки из книги А. Никитина «Прибой «Луисма».

В этой же серии выддут в скором времени отрывки из романа Л. Толстого «Война и мир» и Ал. Толстого «Петр и Катерина» из книги А. Степанова «История культуры», очерки К. Симонова «Солдатская слава» и рассказы Н. Тихонова «Черты советского человека».

Новое издание «Василия Теркина»

В ближайшее время Воениздат выпускает отдельную книгу поэму лауреата Сталинской премии А. Твардовского «Василия Теркин», с иллюстрациями художника О. Верейского.

ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С СОВЕТСКИМИ ОФИЦЕРАМИ

Во время Великой Отечественной войны редакция журнала «Красноармеец» еженощно накануне Дня Красной Армии устраивала встречи писателей с читателями-офицерами. Этой традиции редакция придерживается и после войны. В Центральном доме Красной Армии им. М. В. Фрунзе редакция журнала организовала для офицеров большой литературный вечер, посвященный 28-й годовщине Красной Армии.

На вечере с речью выступила Анна Караванова. Н. Виноградов-Мамонт рассказал о славных традициях русской армии. С чтением своих произведений выступили П. Антокольский, Лев Ошанин, Евг. Долматовский, В. Коженикин, С. Шмагин, С. Михалков, Е. Ардов, Л. Леонов, С. М. Ефимов, вернувшийся недавно из Нюрнберга, поделился своими впечатлениями о процессе над главными военными преступниками.

только «слабость духа, но и его правдивость, душевность, стремление к новым, лучшим формам общности. Федор Московский был больше горечи, чем тоски, и скорее жаждал деятельности, чем бежал ее. И Лука и «На дне», в особенности в последние годы, не был равнодушным утешителем. Он рассказывал людям о «справедливой земле» не из лукавого желания только скрасить их тяжелую долю, но еще и напоминая им о существовании целей, во имя которых стоит жить и к которым стоит стремиться. Иные Московский не мог играть. И в Прибыткове, своей последней роли, он открыл черты того высокого благородства, что является неотъемлемым качеством русского национального характера. Ибо искусство Московина всегда вдохновлялось тем же пафосом действительного гуманизма, который составляет идеальную основу нашей литературы, тот ее нравственный закон, который обязывает людей бороться за общее счастье.



Последний